

Андрей Курков

Серые пчелы

Фрагменты нового романа

* * *

Благодарность Пашкина за вставленные стекла и одну ночь, проведенную у Сергеича, имела свои пределы. Оставил он у Сергеича бинокль еще на некоторое время. А вот сала, о котором случайно упомянул, когда пришел за помощью, пчеловоду не предложил. Ни кусочка. А по салу Сергеич соскучился. Не так чтобы аж. Не упомяни тогда Пашка про картошку с салом, и сейчас бы Сергеич о сале не вспомнил бы. Но в холодное военное время, при церковных свечах и без электричества всякое упоминание прошлых мелких радостей пробуждает тоску и желание. Если б Пашка вместо сала тарань или другую какую сушеную-вяленую рыбу упомянул, маялся бы сейчас Сергеич мыслями о рыбе, а точнее – об ее отсутствии. Но ведь отсутствие в доме Сергеича было почти полным и бесконечным. Бесконечно долго можно было бы перечислять все, что под рукой или в погребе у него отсутствует. А вот что присутствует – это можно было бы очень легко назвать: мед, водка, разные своей работы настойки, лекарства на перге и прочих пчелиных радостях. Где-то еще бутылка коньяка «Октябрьский» спрятана, вот только не помнит он, где. Уже и искал пару раз, да не нашел. Будь он такой болтун, как Пашка, пришлось бы ему уже давно все свои запасы с врагом детства разделить. Как-то уже и думать о нем как о «враге» не хотелось. С каждой новой встречей, даже если и ругались они, казался Пашка Сергеичу все ближе и понятнее. Они теперь в чем-то братья, хотя слава Богу, что не родные!

В дверь негромко постучали.

– О! Стоило человеку помочь, так он сразу и вежливее стал! – усмехнулся Сергеич.

Взял со стола горящую свечку, в коридор вышел.

Оттолкнул-отпер дверь, а за ней темень вечерняя и фигура с лицом не Пашкиным, а моложе, с глазами напряженными, в которых огонек церковной свечи отражается.

Замер от неожиданности Сергеич. Пока замер, понял, что незнакомец, которому он дверь открыл, в камуфляж одет, и висит у него на плече автомат коротким дулом вниз.

– Вы это, извините, что поздно... и без предупреждения, – заговорил незнакомец с некоторым вежливым смущением в голосе.

Сергеич понял, что незнакомец вряд ли пришел его убить или ограбить. Иначе чего б извинялся? Вздыхнул, поближе левую руку со свечой в сторону непрошеного гостя протянул. Увидел, что тот совсем еще юнец, может, лет двадцати двух – двадцати трех от роду.

– Зайти можно? – спросил незнакомец.

– Ну если разуешься и железку в коридоре оставишь! – проговорил Сергеич наигранно сурово, хотя тут же почувствовал, что голос его вот-вот задрожит от страха, оттого, что он как бы военному приказывает оружие сдать.

– Разуться могу, – сказал парень в камуфляже. – Оружия оставить не имею права.

– Ну хоть так, – Сергеич облегченно вздохнул.

Закрыв за непрошеным гостем двери на железную щеколду и на крючок. Бросил взгляд на высокие ботинки, оставленные под стенкой.

В комнате хозяин дома незнакомцу за стол присесть предложил.

– Может, водочки? – спросил из вежливости, хоть тут же себя мысленно за ненужную гостеприимность по губам ударил.

– Нет, спасибо! – мотнул головой парень. – Я бы чаю!

– Будет тебе чай, – закивал Сергеич.

Показалось ему, что одной свечи недостаточно для двоих за столом. Достал еще две. Зажег. Утроил освещение, можно сказать.

– Будет тебе чай, – повторил, присматриваясь к лицу незнакомца, проверяя, не пропустил ли он что-либо на его лице при одной свече. – Звать-то тебя как?

- Петро я, – сказал пареньь.
- А откуда?
- Из Хмельницкого.
- Ага, – Сергеич сделал голосом вид, будто что-то важное понял. – Значит, из украинской армии?
- Парень кивнул.
- Артиллерист? – осторожно спросил хозяин дома.
- Петро отрицательно головой мотнул.
- А вас как зовут? – спросил.
- Меня – Сергей Сергеич, можно просто Сергеич. Так ты, наверное, Петр, а не Петро?
- Нет, я Петро! У меня так в паспорте написано.
- А я в паспорте – Сергій Сергійович, а в жизни – Сергей Сергеич! Вот такая разница!
- Вы, наверное, со своим паспортом не согласны, – предположил Петро.
- С паспортом-то я согласен, а вот с тем, как он меня называет, – нет!
- А я и с паспортом согласен, и с тем, как он меня называет, – усмехнулся вечерний гость. Усмехнулся легко, даже обезоруживающе! Хотя автомат теперь на спинке стула висел.
- Может, у тебя имя в паспорте и в жизни совпадает, поэтому ты и согласен! – произнес Сергеич задумчиво. – Будь у меня так, я б тоже с паспортом не ругался! Так а зачем ты, Петро, ко мне пришел? Может, что надо?
- Ага, – кивнул пареньь. – Познакомиться захотелось. А то вижу вас уже больше года, а имени не знаю!
- Где ты меня видишь? – удивился Сергеич.
- В бинокле, – парень немного замялся. – Положено за селом наблюдать. Я бы и раньше пришел, но днем опасно, а в темноте, вообще-то, тоже запрещают, но опасности меньше.
- А какая днем от нас опасность? – удивился хозяин дома.
- От вас лично никакой, а вот от снайперов, которые нам то нервы портят, то головы, опасности много. Последний раз три дня назад стреляли, от церкви!
- Да не приходит сюда никто! – убежденно заявил Сергеич. – Я бы следы увидел! Я ж дома не сижу!

– Четверо убитых за год и три раненых, – спокойно произнес Петро. Почесал за ухом. Положил потом как-то неловко на столешницу зеленую, вроде как шерстяную шапку-балаклаву.

Сделал Сергеич чаю, гостю непрошеному налил, себе.

– А что там у вас, на Украине? – спросил. – Сала всем хватает?

– Всем, – парень не смог сдержать улыбку. – Мне тоже перепадает. Волонтеры подвозят. А в стране – как всегда! То воруют, то улицы и города переименовывают. Но говорят, после войны лучше станет! За границу будем без разрешения ездить.

– Ну это те, кто живыми останутся, – скривил Сергеич губы, но тут же спохватился. Вышло так, что он вроде как кому-то смерти желает. Решил тему поменять. – А переименовывают что?

– А вы что, не в курсе? – Петро широко открыл глаза, улыбка обнажила его крепкие зубы. – Ах да! У вас же электрики нет! Значит, без телевизора!

– Электрики давно нет, это да, – грустно закивал хозяин дома. – Может, починят?

– Сейчас вряд ли. Опасно. Да и для вас же лучше телевизор не смотреть – нервы сохраните!

– А у меня нервы железные, не испортятся! – похвастался Сергеич. – Я инспектором по безопасности труда на шахтах работал! Ты знаешь, что это такое?

В глазах у парня уважение проявилось.

– А ты сам чем занимался? – полюбопытствовал хозяин дома.

– Туризмом. Хотел в Крым переехать, маленькую гостиницу построить.

– Ну с этим ты опоздал! – махнул рукой Сергеич. – А я в Крыму ни разу не был. А всегда хотелось на море побывать, на пляже поваляться, загоревшим приехать... У меня там знакомый есть – на съезде пчеловодов познакомились. Татарин, Ахтем Мустафаев. Тоже пчеловод. В гости звал, а не вышло пока...

– Ну, когда-нибудь выйдет! – попробовал парень утешить Сергеича.

– Может быть, – согласился тот. Вдруг его взгляд помрачнел, словно вспомнил он что-то неприятное. – А чего вы труп с поля не уберете? Он же к вам так близко?

– Какой? В камуфляже? – Петро напрягся.

- Ну да! Может, его уже и снегом накрыло. Я вчера не смотрел.
- Не накрыло, – парень вздохнул. – Ветер снег унес. Не наш он. А посылать людей за ним опасно. Там на поле под снегом растяжки, да и сам труп могли заминировать. Пускай «сепары» забирают! Их этот парень!
- Они полезут забирать, а вы их из пулеметов? – ехидно спросил хозяин дома.
- Если без оружия и с белой тряпкой полезут, то пусть забирают!
- Во как! Так ведь они говорят, что это не их боец! – произнес Сергеич и тут же пожалел о сказанном.
- А когда это вы с ними разговаривали? – Петро прищурился, и взгляд его стал холодным и враждебным.
- Это не я, это Пашка, сосед мой, с Шевченко! Они к нему приходили, вот он и спрашивал.
- Угу, – промычал парень, словно выводы сделал. – Ну если не их и не наш, то, значит, из «третьей силы»!
- А что это за «третья сила»? – заинтересовался пчеловод.
- А кто его знает! У нас говорят, что это кто-то анонимно с нами против них воюет. А у них говорят наоборот – с ними против нас. Может, это какой-то спецназ, что и против них, и против нас. Поэтому у нас радуются, когда они там кого-то завалят, а у них трубят, когда вдруг в нашем тылу в наш же БМП кто-то из гранатомета выстрелит...
- Может, тебе меду с собой? – предложил Сергеич солдату.
- Да я еще не уйду, – Петро напряженно улыбнулся. – Меда не надо. Разве что тут, к чаю.
- Да-да, конечно! – засуетился Сергеич, наклонился, достал с пола литровую банку.
- Опять наступило молчание, но нарушать его Сергеичу больше не хотелось. Правда, минут через несколько он снова переименованием улиц заинтересовался.
- На что переименовывают? – спросил почти шепотом.
- Ну если улица Маркса или Ленина, то на Бандеру или какого-нибудь писателя, – сказал солдат.
- На писателя лучше, – высказал мысль Сергеич. – Мы вот, кстати, сейчас на улице Ленина сидим.

– Когда война кончится – переименуют обязательно, – твердо заявил парень.

– А если я сам захочу новое название выбрать?

– Можно, только надо с остальными жителями улицы вместе решить. А потом в местный совет обратиться.

– Это не скоро, – хмыкнул Сергеич. – Ой не скоро!

– Ну я все-таки пойду, – Петро снял со спинки стула автомат, на плечо повесил. Левой рукой шапку-балаклаву со стола забрал, а правой в карман теплой камуфляжной куртки полез и вытащил оттуда гранату РГД-5. Опустил ее рядом с чашкой.

– Это вам, – сказал, уважительно на хозяина дома глянув. – Неудобно как-то в чужой дом без подарка! С пустыми руками...

– Так а... – впал в недоумение Сергеич. – На что она мне?

– Для самообороны. Не понадобится – после войны в огороде закопаете! Да, если хотите, могу вам мобильник зарядить! У нас генератор мощный, даже стиральную машину тянет!

Сергеич растерялся поначалу, но только на мгновение. Вытащил из ящика серванта мобильник с зарядкой. Протянул Петру.

Поднялся солдат, сунул провод и телефон в карман куртки. Еще стоя, не отходя от стола, меда напоследок из банки зачерпнул ложкой и в рот ее отправил. Облизал жадно.

– Если помощь нужна будет – белую тряпку на ветку дерева в саду привяжите! Чтоб видно было! – сказал хозяину и ушел в темноту.

– Белую тряпку? – повторил шепотом пчеловод.

Запер дверь. Из трех свечей две потушил. Удивился, что настроение странным образом из-за неожиданного общения с военным человеком улучшилось. Словно развлекли его интересной телепередачей!

– Добрый парень, – подумал он, глядя на гранату. – Надо было его больше про новости расспросить.

* * *

Путру у Сергеича голова гудела знаменито. По гримасе лица можно было подумать, что болят у него все внутренние органы хором, сообща. Он уже и воды холодной из чайника выпил, и ложку

сахара во рту держал, пока тот не растаял. Не помогало. Злой его взгляд то и дело к столу возвращался, где со вчерашней полночи открытая бутылка казенки стояла, и рюмка рядом. Черт его дернул отметить приход незваного военного гостя! С другой стороны, хорошо, что отмечать он стал уже после того, как гость в ночь ушел. Ну не в ночь, так в темень. Ведь если б и гость выпил, то кто его знает – добрался бы он обратно в свой блиндаж или нет? А голова продолжала гудеть так, что застонал Сергеич. Больно ему было и обидно! Сколько он там выпил? От силы рюмок пять, не больше! А значит, не он в своем ужасном самочувствии виноват! Это казенка виновата – паленой оказалась! Он ее еще до войны в сельмаге купил! И что теперь делать? Лекарств нет! Врачей никаких! Только пчелиные! Сельмаг давно закрыт! Даже продавщицу не обматюкаешь за то, что яд продает!

Полез Сергеич в сервант, достал коробку с пчелиными лекарствами. Открыл маленькую баночку с утрамбованной пергой. Отковырял ложечкой перги, бросил в чашку. Добавил воды из чайника и ложку меда из банки. Размешивал, пока жидкость однородной не стала. Выпил медленными глотками.

Показалось, что помогает. То ли шум в голове тише стал, то ли мысли у Сергеича выровнялись, понятнее зазвучали. И первая мысль сразу напугала: «А граната-то где?».

Снова, только теперь не раздраженно, а испуганно посмотрел он на стол. Нет солдатского подарка!

Повыдвигал ящики серванта – и там нет! Стал по комнате нервно топтаться, заглядывать под подушку, в углы. Даже в ведра с углем заглянул! И понял, что ночью во двор выходил!

Обулся. Выглянул на мороз – светло еще было, половина второго. Снег на дворе истоптан. Следы и к сараю-зимовнику пчелиному идут, и к сараю-гаражу, и даже к калитке, что на улицу выводит!

Пока ходил по своим следам, в сараи заглядывал, головная боль улеглась.

«Найдется! Не мог я ее далеко засунуть!» – подумал Сергеич, разрешая себе, таким образом, в дом вернуться.

Но в доме новое беспокойство его охватило. Стоящий на подоконнике бинокль о мертвце, что на поле лежит, напомнил.

– Надо его убрать! – решил Сергеич и удивительную смелость в своей груди ощутил.

Прихватив из дому бинокль, вышел на край огорода. Окуляры к глазам поднес. Лежит мертвый в той же позе, затылком к Малой Староградовке, к нему, к Сергеичу, повернувшись.

Присел Сергеич за стол. Записку настрочил:

«Пашка! Я к трупу полезу, может, прикопаю чуток. Если убьют, заberi меня с поля сразу. Похоронишь возле родителей. И тогда все, что в доме есть, – твое будет! Прощай!»

Минут через десять, пригнувшись, спешил Сергей Сергеич по белому полю вниз. Правая рука, рукавицей утепленная, саперную лопатку держала. Чем ниже он по полю снежному спускался к излому земли, за которым уже другое, но такое же поле, вверх поднималось, тем страшнее ему становилось. Достигнув заснеженного излома – вот куда свежий снег с его огорода скатился, – посмотрел он в небо. Опустилось оно так низко, что его можно было принять за потолок темного школьного спортзала. Темень вечерняя упиралась в белый снег, делая его серым. Серый цвет Сергеич с детства любил. Но сейчас его серый цвет не радовал. Он вдруг подумал о том, что одежда на нем темная, и на снегу – будь сейчас день или утро – он такое же жирное видимое пятно для любого снайпера, как и тот убитый, к которому он ползет.

Дальше Сергеич по-пластунски пополз, только иногда коленями в снежную корку упираясь, чтобы тело уставшее быстрее вперед просунуть.

Возле мертвеца уселся. Отдышался. Обернулся на пересеченное поле. Уходило оно куда-то во мрак. Даже ближних деревьев сада своего рассмотреть пчеловод не смог.

Улегся на бок лицом к затылку убитого, рукавицы снял и ощупал-проверил все карманы мерзлого камуфляжа. Даже во внутренние залез и в карманы штанов тоже. Везде пусто. Ни документов, ни телефона. Ничего. Перегнулся над мертвецом, заметил на белом ухе, что к небу прислушивалось, маленькую золотую сережку. «Модник!» – фыркнул Сергеич, а взгляд его тем временем уже на мертвой руке, что за дуло автомат держала, остановился. Правда, автомат весь, кроме дула, под снежной коркой лежал.

И еще что-то рядом с автоматом, снежную корку вверх в на сантиметров двадцать бугрило.

– Сумка, что ли? – заинтересовался Сергеич, перелез через труп, лопаткой бугор разгреб и бок рюкзака голубого, совсем не военного, увидел. Ухватился за лямку, потянул на себя.

С хрустом, преодолевая напрягшейся рукой сопротивление, вырвал он из снежного плена рюкзак и понял, что весу в нем килограммов пять или шесть! Внутрь заглянул. А там пакеты с конфетами разными. «Красный мак» Сергеич сразу по обертке узнал – такие и у них в сельмаге продавались. Сунул руку вглубь, чтобы до дна рюкзак достать. Конфеты – как лед! А кроме них – ничего!

– Сладкое, что ли, любил? – подумал Сергеич.

Оглянулся на убитого. Представил себе, как он тут шел или полз. Явно к посадке спешил. Значит, с левого боку где-то и рана должна быть. Так ведь и лежит он левым боком вверх?! Присмотрелся Сергеич к убитому, но смертельной раны не обнаружил.

– Значит, в правый пуля попала, – подумал Сергеич и в сторону Малой Староградовки посмотрел, сообразив, откуда стрелять могли.

Натянув рукавицы на замерзшие руки, попробовал копнуть лопаткой снег, а наст крепкий, да и снега под ним почти нет – только земля мерзлая. Понял пчеловод, что ни снегом, ни землей прикопать убитого не получится. Провел он лопаткой, как ножом, по насту. Вырезал квадрат затвердевшей снежной корки. Взял в руки. Тяжелой корка оказалась. Принялся Сергеич куски наста вырезать вокруг убитого и труп ими закрывать, закладывать. Хлипкая поначалу конструкция, с которой то и дело какие-то куски соскальзывали, постепенно становилась прочнее и надежнее.

– Ну, хватит! – остановил себя уставший пчеловод, оглядываясь и оценивая проделанную работу: корки снежной он метров пятнадцати-двадцать срезал. А значит, вся эта тяжесть теперь на покойника давила. Давила, но и защищала его и от постороннего взгляда, и от голодных воронов, которые, должно быть, только из-за холодов еще сюда не добрались и глаза ему не выклевали!

Дополз Сергеич до излома. И тяжесть в ногах ощутил. Промерзли штаны насквозь. Да и ноги от холода немели. Ползти назад тяжелей было, в одной руке лопатка, в другой рюкзак. Одышка мучила, кашель прорывался.

Когда, передохнув в изломе, к огороду своему добрался, левую голень судорога свела. И дальше, по своей собственной земле, полз он к саду и дому, как раненный. Только у калитки, что из двора в сад выводила, поднялся на ноги.

Распахнул не запертую дверь. Он ее не запертой для своего врага-приятеля оставил. Ведь как бы иначе Пашка записку прочитал, если б хозяина дома убили?

Стащил с треском промерзшую куртку. И брюки стащил. Как разделся, стало ему холодно. Засыпал он в буржуйку полведра угля. Туда же записку для Пашки бросил. Одедся в сухое. Два стула спинками к печке поставил. На спинку одного куртку повесил сушиться, на спинку другого – брюки. А ботинки прямо перед дверцей буржуйки.

«Выпить бы сейчас для согреву?» – подумал. Но доставать медовую настойку не захотел, а «казенка» ему уже урок преподнесла. Теперь ее можно было только для натирания пользоваться, но никак не внутрь! Разве что если Пашка херню какую сделает, то угостить его в наказание!

* * *

Весь последующий день отлеживался Сергеич, прислушиваясь к себе, как к родному прихворавшему ребеночку. И кашель свой собственный, как чужой, прослушивал, будто разделился он временно надвое: на себя-больного и себя-врачевателя. Так уже не раз бывало. Так вообще с каждым бывает, кто один, сам по себе живет! Он же тогда и поваром, и едоком становится. И уборщиком, и тем, кто чистоте радуется.

Правда, чтобы отлежаться, пришлось ему, изломанному вчерашним ползаньем по морозу под украинские позиции, угля в дом на весь день занести, да и водой из колодца впрок запастись.

Вот и приготовился Сергеич как человек, никогда на постороннюю помощь не рассчитывающий, к отлеживанию основательно и ответственно. Ведь отвечал он за свое здоровье не только перед собой лично, но и перед пчелами! Случись что с ним, погибнут они во всем своем множестве, а становится, пусть даже и не по собственной воле, губителем сотен тысяч пчелиных душ ему было

никак нельзя. Такой грех, такая тяжесть, настигнут его и после смерти там, где бы вслед за своим последним вдохом ни оказался! Настигнут и все равно покоя не дадут: заставят умереть еще и еще раз, за каждую умершую по его вине пчелу, и неважно: трутень это был или пчеломатка! Все равно! И будет он, уже мертвый, умирать и умирать бесконечно, пока не окажется на такой адской глубине смерти, ниже которой никому опуститься не удавалось!

Лежал он до обеденного времени в тепле и сомнениях. А потом тепло сомнения победило, и уже отходило от вчерашнего мороза тело его, согревалось, набиралось новых сил, восполнявших силы, вчера потраченные.

Иногда окунался он в дрему, иногда проваливался в сон. Просыпался и снова глаза закрывал. В какой-то момент так жарко ему во сне стало, что приснилось, будто они вдвоем с Виталиной под одеялом лежат. И ее горячее тело Сергеича, уже почти проснувшегося, перегревает и на любовь настраивает. И вот во сне настроился он на любовь и даже на бок, лицом к жене повернулся. Обнять ее захотел да прижаться. Руку к ней протянул – и снова проснулся. И тут то ли во сне, то ли на самом деле слезы в его закрытых глазах выступили. Может, от боли воспоминаний, может, от жалости к себе, которая только так во сне и могла проявиться. За пределами сна, в своей явной жизни повода жалеть себя он не видел. Все у него было в порядке и под контролем. Ну если и не все, то почти все!

А в другой раз, уже во время послеобеденное, после того как чаю с медом выпил и снова лег, приснилось ему, что он на ульях спит. На шести своих ульях, в лежанку составленных.

И во время сна показалось ему, что не один на один он со своими пчелами! Показалось, что рядом кто-то еще есть. Он во сне глаза открыл, голову приподнял. А вокруг красота! Деревья зеленые ветвями с солнцем играют, над головой антоновки висят налитые. Глянул в другую сторону, а там на раскладном рыбацком кресле бывший их губернатор сидит и книжку читает. Читает и посмеивается, будто сама книжка его смешит. Заметил губернатор, что пчеловод глаза открыл. Оторвал взгляд от книги. Кивнул приветливо. Понял тогда Сергеич, что гость тоже хочет на пчелах полежать. Поднялся, тонкий матрас поправил. Двух охранников

губернатора чуть в сторонке под сливой заприметил. Стоят себе молча, в спину хозяину смотрят.

– Ой, извините, – заговорил Сергеич во сне важному гостю. – Я и не услышал, как вы подошли!

– Да чего там? – пожал плечами гость, и улыбка тяжелая-тяжелая, почти в килограмм веса, на большом его лице появилась. – Можешь еще полежать, если хочешь!

– Нет, что вы! – засуетился Сергеич. – Я сейчас, в дом за простынкой чистой!

Сонный, слушая в голове еще жужжание пчел, словно на магнитную пленку записанное, в дом сбегал.

Губернатор свои туфли удивительные снял и аккуратно носками острыми перламутровыми возле ступеньки-табуреточки на травке поставил. Уселся осторожно на средний улей. Развернулся, ноги на лежанку забрасывая. На спину улегся. Перед тем как глаза закрыть, усмехнулся, заметив, что пчеловод снова в изумлении на его туфли пялится.

Может, из-за того, что сон этот особенно летним и теплым оказался, задержался в нем Сергеич на дольше, чем в других снах. Даже дольше пробыл Сергеич в этом сне, чем в том, в котором жаркая жена Виталина рядом под одеялом лежала.

А к вечеру, когда голод его с кровати поднял, ощутил Сергеич себя заново собранным и смазанным, как отремонтированный на совесть механизм. И даже вермишель без масла и разнообразия, а только с солью, съел он с аппетитом и почти с удовольствием. Радовался он, конечно, не столько вкусу еды, сколько вернувшейся в тело бодрости, и особенно тому, как легко ему жевалось. Ведь в чем нездоровье прежде всего проявляется? В том, что человеку челюстями работать не хочется! Теперь же, после сна, хотелось Сергеичу всего: и есть, и чай пить, и еще пару ведер угля на ночь со двора принести. Но уголь в ведрах еще не закончился. А слишком много угля в комнате – тоже не очень хорошая штука, ведь каждая вещь со своей пылью приходит! А угольная пыль – одна из самых вредных. Это ж она Сергеича инвалидом сделала. Но это так, по медицинским бумагам и по документам пенсионного фонда. А бумаги медицинские ему докторша из поликлиники шахтоуправления выписала. Он ей трехлитровку меда в подарок

принес. Она улыбнулась тогда, сказала: «Ну и ладно!» – и сделала его хронически больным. А был ли он таким больным? Бог его знает! Да, кашель иногда до слез в глазах его мучил, а иногда исчезал на месяц-другой. Вот и сейчас угольная пыль, поднимавшаяся при пересыпании топлива в буржуйку, Сергеичу не докучала.

* * *

Наутро, после кружки горячего чаю, с Пашкиным биноклем в руках вышел Сергеич бодро на край огорода. Поводил биноклем по зимнему полю. Все бело, только белизна местами разная. Да и полосы продавленные на снежной корке заметил – его собственный след. Но даже по собственному следу не смог он глазами схороненного под снежными корками мертвеца отыскать.

Теперь уже успокоился Сергеич так, как человек, причину для долгого беспокойства потерявший. Ну, наверное, так успокаивается муж, что за смертельно больной женой год или два ухаживал и, наконец, похоронил ее, отмучившуюся и его отмучившую.

На небе тусклое солнце светило, словно сквозь тонкую пленку верхнего мороженого воздуха, сквозь ту полупрозрачную серость, что обычно зимой на небе голубизну от глаз человеческих прячет.

Прошел Сергеич через двор мимо сарая-гаража и пчелиного сарая-зимовника. И мимо дома прошел да через калитку на свою улицу выбрался. На улицу Ленина. Посмотрел в сторону церкви и кладбища. Раньше бы его взгляд в купол церкви уперся. А потом, по мере приближения, поднималась бы церковь перед идущим к ней своими деревянными стенами, в божественный синий цвет окрашенными. Но «раньше» – это не «теперь»!

Зашагал он в к церкви, которой больше не было. Зашагал по уличной грунтовке, что когда-то и камнями укрепили, и угольной осыпью равняли. Не хуже асфальта она летом была. Да и сейчас из-за полного отсутствия дорожного движения не украшала ее привычная зимняя колея из смерзшегося снега. Легко шагалось Сергеичу. Очень легко...

И вот шел Сергеич по улице, собственные шаги слушая, и неожиданно беспокойство ощутил. Остановился, причину беспокойства понять пытаясь. Тишина этим утром совершенно

мирной была. Даже не верилось. И сейчас, когда ноги слушать ее не мешали, убедился еще раз Сергеич, что никаких, даже самых далеких шумов войны в ней нет. Над головой ворона пролетела, и так близко крылья ее хлопнули, что пчеловод голову в плечи на мгновение втянул...

Оглянулся на ходу Сергеич на дом соседки Веры. Окна целы, дверь поперек толстой доской заколочена. На доске, уже потемневшей от смен погоды, еще видна надпись, самой Верой сделанная. Черной краской: «Хозяева живы».

– Дай Бог, дай Бог! – прошептал пчеловод.

Странно, но такая утвердительная надпись на заколоченном доме радовала Сергеича всякий раз, когда его взгляд на ней останавливался. В этот раз даже сильнее обычного она его обрадовала. Вызвала улыбку. Наверное, потому, что сначала он о жене своей, Виталине, думал. А чего ж это ему так легко о жене думается и вспоминается, а вот дочка сама по себе в мысли и воспоминания не приходит? Наверное, потому, что маленькой она была, слишком маленькой, чтобы с отцом сблизиться. Четыре года ей было, когда уехали они, его бросив. Может, и сам он виноват в этом? Может, надо было ему улыбаться чаще и реже при виде нарядов Виталины губы кривить? Может, надо было вообще меньше говорить и больше лыбиться? Пусть даже если б из-за этого он мог ей глупым показаться. Женщины вроде глупых или тех, кто под дурачка катит, больше любят или легче терпят! Хрен его знает, что в семейной жизни главное: любовь или терпение?

Да если б после роддома не взорвался Сергеич, жили бы они, наверное, и сейчас вместе. Втроем. Только где бы они жили? В Виннице у родителей Виталины? Нет, туда бы он не поехал. А здесь бы она не осталась, даже если б и дожили до войны сообща и в согласии. Нет, что случилось, то случилось, и иначе быть не могло.

До взорванной церкви оставалось пройти всего ничего – по четыре двора с каждой стороны улицы: слева тут Крупины, Далидзе, Петренки и Маципуры, а справа – Сергеевы, старик Лефтий, Корзоны и Урцыновы.

Остановился внезапно Сергеич так, словно сама дорога его остановила. Что-то озадачило, отбросило его внимание в едва удаленное его же шагами прошлое. Обернулся. Вернулся метров

на десять назад. И все понял. Перешел он, думая о своем, следы ботинок, которые поперек дороги пунктирную линию провели. Осмотрел их – видно было, что следы эти неоднократно обновлялись в обе стороны. А на дорогу со двора Сергеевых и дальше во двор Крупиных уходили. Отправился Сергеич по следам к Крупಿನым. Увидел, что дверь с закрывавшими ее двумя досками от рамы оторвана и только прикрыта. Потянул за ручку. Нижняя упавшая доска неприятно для слуха по ледяному бетонному порогу скрипанула. Зашел внутрь – холод покинутого дома дыхнул ему в лицо.

В комнате на столе три литровых банки открытых с замерзшими соленьями, и из одной – с баклажанами в томатах – вилка торчит. Под столом две пустых бутылки из-под водки. Водка не привычная, «Немиров» или «Московская», а какая-то «Крутая»! Такую он в жизни не видел. Взял в руки, впялился в этикетку: «Сделано в Ростовской области».

Обе створки шкафа открыты, в серванте ящики выдвинуты.

«Чужой ходил», – понял Сергеич.

Вышел во двор, осмотрелся. Увидел, что следы за дом ведут. Привели они его на самый край огорода. Остановился перед толстым настилом из соломы. Справа по снежной корке гильзы разбросаны. Десятка два.

Вспомнил Сергеич слова солдата о снайпере, который со стороны церкви стреляет.

Постоял над лежбищем снайпера, вздохнул. Плечами пожал из-за того, что никакая понятная мысль из-за увиденного в голову не пришла. Зато пришло ощущение холода.

– Если эти отсюда по «украму» стреляют, то «укры» рано или поздно пушкой ответят! – подумал Сергеич.

И представил себе, как летит со стороны Ждановки снаряд и словно раздумывает: куда упасть? И уже в полете в сторону его, Сергеича, двора поворачивает.

Вздрогнул пчеловод из-за страшной игры собственного воображения.

А что если встретит он сейчас этого снайпера, а тот будет на войну, на свое военное место идти? Что он сделать может? Сказать? Попросить? Приказать? Человеку со снайперской винтовкой что-то говорить-приказывать?

Скривил Сергеич губы. И испугался вдруг, что снайпер этот вот-вот и действительно здесь появится. Нацелит на Сергеича пистолет или автомат, или винтовку свою! А что у Сергеича? Граната подаренная? Так ведь и не знает он, куда ее по пьяни засунул! Ничего у Сергеича нет, нечем ему себя защитить!

Совсем беспокойно на душе у пчеловода стало. Выбежал он со двора Крупиных и обратно домой поспешил.

У переулка Мичурина остановился. Отдышался. И именно тут одиночество свое особенно остро и тягостно ощутил. Потому что выбор дороги появился: или прямо домой, или налево, на Шевченко, к Пашке.

«Нет, – потоптавшись на месте, решил Сергеич. – С пустыми руками нельзя! Занесу-ка я ему бинокль! Мне он уже не нужен!»

Подходя к дому, взгляд на потемневшее небо бросил. А на нем тучи сизые, снегом переполненные. Летят куда-то, неслышимым тут, внизу, ветром подталкиваемые.

* * *

Сначала на стук кулаком по двери никто не ответил. Тогда приложился Сергеич еще три раза, да посильнее.

– Кто там? – раздался, наконец, знакомый хриплый голос.

– Да кто же? – громко, чтобы за дверью слышно было, крикнул пчеловод. – Я это!

– А! Ты это! – ответил Пашка. – Ну подожди минутку!

И пропал, оставив Сергеича на пороге перед закрытой дверью в недоумении.

Когда дверь распахнулась, в лицо Сергеичу тепло домашнее дыхнуло, а в нем – пары алкогольные.

– Ты, Серый, чего это? – спросил Пашка, пропуская в дом незваного гостя.

«Язык-то заплетается!» – подумал пчеловод. А вместо ответа протянул хозяину дома бинокль.

– А-а, спасибо! Чаю, наверное, хочешь? Или, может, кофе?

– А у тебя есть? – Сергеич обернулся, удивленный.

– У меня много чего есть, – похвастался Пашка.

«Ну и дурень, что об этом просто так говоришь!» – подумал Сергеич. А сказал: – Ну давай кофе, давно кофе пил!

Мелкими шагами, как старик, ушел хозяин дома на кухню и дверь за собой закрыл.

Вызвало это у Сергеича подозрения – чего это дверь от гостя отгораживаться? Но тут Сергеич улыбнулся, сопоставив закрытую дверь с хвастовством Пашкиным о том, что у него «много чего есть».

И на окно за столом посмотрел. За тюлью на подоконничке увидел ополовиненную бутылку водки и две пустые рюмки. Нахмурился. К столу присмотрелся – на старой льняной скатерти, которую уже раз десять постирать надо было, крошки хлебные. Накрыв их скопление широкой ладонью, прижал к столешнице, проверяя: свежие или старые. Вроде старые, высохшие. Колются.

– А что, гости к тебе ходят? – спросил Сергеич, когда дверь на кухню отворилась, и вышел из нее хозяин с двумя чашками, над которыми пар поднимался.

– Не! Какие тут гости! – Пашка под дурачка разулыбался, зубы свои неровные показал.

Однако Сергеич его слова мимо ушей пропустил. Перевел взгляд на самодельную печку-голландку под другим окном. Задумался. В печке этой топка была раза в два больше, чем в буржуйке Сергеича. Но служила она только для тепла, еду на этой печке не разогревали и не готовили.

Оглянулся Сергеич на кухонную дверь.

– А где ты чайник кипятишь? – спросил.

– Как где? На кухне! – ответил хозяин, уже усевшись за стол.

Присел и Сергеич напротив Пашки. Придвинул к себе чашку с кофе.

– Так у тебя там, значит, еще одна печка стоит? – спросил, кивнув в сторону кухни, Сергеич.

– А тебе чего? – удивился Пашка. – Ну стоит себе! Тебе мешает?

– Нет, чего она мне мешать будет? – Сергеич пожал плечами. – Я вот все на одной печке делаю: и еду, и тепло в дом! Уголь экономлю.

– Ты на одной, я – на двух! Какая разница? Может, завидуешь? Ты, я вижу, уже на труп свой насмотрелся! – Пашка кивнул на бинокль, который сам же на диван бросил.

– Ага! Я его снегом накрыл.

– Что, ползал туда? – глаза хозяина дома стали на мгновение круглыми, как пятаки.

– Ага. Что ж мне, каждый день ходить да пялиться на него! А так и мне спокойнее, и ему.

– Ну ты даешь! – Пашка мотнул головой. – Я бы ни в жизнь под пули не полез!

Посмотрел Сергеич в глаза Пашке скептически и ничего на это не сказал. Только вдруг голод ощутил в животе. А потому губы надул недовольно.

– Что-то есть захотелось, – сказал.

Пашка молча баночку с медом с кухни принес – ту самую, что ему Сергеич подарил. А еще принес батон белого хлеба, ложки и нож.

На весу нарезал три ломтя от батона, прямо на скатерть опустил.

Намазал Сергеич меда своего на хлеб Пашкин, откусил.

«Интересно, откуда это у него хлеб взялся?» – подумал.

Вернувшись домой, свечу на столе зажег. Сходил во двор за углем. Заглянул на кухню. Потянул на себя дверцу холодильника. Внутри было пусто и темно, а в дверце на дырчатой полочке для яиц лежала высохшая головка чеснока.

Попробовал себя положительными мыслями отвлечь. Заглянул в тумбу кухонную – там в трехлитровых банках, закрытых пластиковыми крышками, хранились и гречка, и вермишель, и пшенка. Черт его знает, насколько всего этого хватит? Да ведь он и ест не так много, так что хватит пока! Сытым он будет. А вот радости эта еда не принесет! Скучная она!

– Яиц бы где взять! – размышлял Сергеич.

И стало ему тоскливо до внутреннего холода. Понял он, что уже несколько месяцев яиц куриных не ел.

Вспомнил, сколько раньше живности в их селе было. Да и сам он кур держал. А у соседей кроме кур и гусей две козы и корова в хозяйстве имелись! И когда соседи ближние уезжали, куры еще оставались. Он тогда по просьбе соседей кормил их и яйца себе забирал. Корм они тоже ему оставили – два мешка! А потом сосед вернулся – затишье было, не стреляли. Вернулся на «Ниве» с прицепом и с клетками. Посадил кур в клетки и увез. Даже не зашел! Корма с треть мешка осталось. А кормить больше некого.

«Вот бы сейчас глазунью, – подумал Сергеич. – Или три яйца вкрутую...»

Подсыпал угля в буржуйку, чайник сверху поставил.

«Откуда ж это он батон взял? – подумал о Пашке. – А может, у него там кто-то прятался, на кухне? Тот, кто ему батон принес?»

Вспомнил он, как Пашка не сразу его в дом пустил.

«Точно, прятал кого-то! – решил Сергеич. – Того, кто ему и батон, и кофе, и «много чего» принес! Интересно, за какие такие заслуги?»

Было б в селе электричество, жил бы он сейчас легче и бездумнее, без ненужных переживаний и подозрений! Смотрел бы до сна телевизор. В холодильнике бы кастрюлю с вермишелью готовой держал. А когда бы проголодался, бросал бы вермишель на сковородку и разбивал бы в нее два яйца!

– Тьфу ты! – выдохнул раздраженно Сергеич. – Дались мне эти яйца!

Но не думать о них у него не получалось. Яйца продолжали его преследовать, как нечто бесценное и одновременно достижимое!

«А чего? – подумал он. – До Светлого три кэмэ, сейчас уже темно, но еще не вечер! Там людей много! И бабка Настасья, которую он знает, и у которой кур и живности полный двор! А почему не взять с собой литр меда и не поменять на яйца? Сколько той дороги, тем более что дорога до Светлого ровная и прямая, с украинских позиций не видная, и от Каруселино за гребнем невысокого холма спрятанная.

Загорелся Сергеич идеей похода в соседнее село, где он с прошлой осени не бывал.

Собрался, обулся-оделся. В сумке – две литровки меда. На руках – рукавицы. Впереди – дорога темная.

* * *

Страх – штука невидимая, тонкая и разная. Как вирус или бактерия. Его можно и с воздухом вдохнуть, и с водой или водкой случайно выпить, и через уши, через слух заполучить, и уж точно глазами увидеть можно так ярко, что в глазах его отражение останется даже тогда, когда сам страх уже исчезнет.

Мысли о страхе сами возникли у Сергеича, когда он уже с полкилометра по не тронутой в последние месяцы ни ногами, ни колесами дороге прошел. Она, дорога, лежала ровненькая, как под гигантскую линейку Богом проведенная. Слева посадка – голые клена, липы и абрикосовые деревья вперемешку. Перед ней поле, за ней еще одна грунтовка для сельхозтехники, а дальше снова поле, только уже вверх поднимающееся, туда, к Ждановке. Справа небольшой подъем и по гребню возвышенности – ближний горизонт, до которого рукой подать. Дальше, за горизонтом, поля на километров пять тянутся аж до хутора Заячий. Хутор этот уже в «дэнээрии», только вроде как пустой он стоит. Домов там пять или шесть, не больше. Может, поэтому Светлое и живет себе почти так же, как до войны. Ни сепаратистов поблизости нет, ни армии украинской. Поэтому почти никто и не уехал. Ушло несколько мужиков к донецкой братве, чтобы против Украины воевать. А двое – участковый и директор школы – наоборот, в украинскую армию записались. Испугались, наверное, что вырежут их ночью за то, что местной властью считались. Теперь там никакой власти нет, но и тихо! Хотя там и раньше тихо было, так что власть тут ни при чем. Ее что есть, что нет, все одно! Просто народ мирный и на себе и своем хозяйстве, а не на политике сосредоточенный.

Откуда-то издалека, с той стороны, куда он шел, только еще дальше, бахи артиллерии донесли. Но такие далекие, что Сергеич даже шаг не замедлил. Он и так не очень-то быстро шел. Под ноги смотрел – глаза к этой серости привыкшие у него. Черное плюс белое дают серое. Вот так и темень да снег сочетаются, и дорогу зимнюю вечернюю видимой делают.

Дорога как раз в этом месте чуток вверх поднималась. Села отсюда не видно. Это когда минут пятнадцать пешего ходу останется, тогда и Светлое впереди вынырнет. Впереди и чуть внизу.

И вдруг пропала из-под глаз его дорога. Под ногами осталась, а из-под глаз пропала. Остановился Сергеич, не понимая: что случилось?

Опустился на корточки, потрогал дорогу руками. Понял, что она белой быть перестала. Легла ладонь на край воронки от взрыва, широкой воронки, шире самой дороги.

Поднялся пчеловод на ноги. Стал воронку обходить, да вдруг споткнулся и едва не упал. Оглянулся. Опять на корточки присел.

Увидел мину не взорвавшуюся. Рука сама к ней потянулась, и, еще даже не прикоснувшись, ощутил Сергеич сильное излучение холода от лежащего на краю воронки взрывоопасного предмета. И отдернул руку, спрятал ее в карман, туда, где теплее было.

«Может, лучше назад?» – подумал, но ноги уже снова вперед шли. Только теперь внимательнее он на дорогу смотрел. Снова видимой дорога стала. Снежная корка жалостно поскрипывала под подошвами ботинок.

Впереди огоньки села показались.

– Ты посмотри! Ток у них есть! – обрадовался Сергеич. Обрадовался и позавидовал.

Выйдя с дороги на сельскую улицу, с облегчением вздохнул. Теперь только на другой конец села пройти осталось, там баба Настя живет!

Пока шел, лай собак слушал и радовался. У них в Малой Староградовке ни одной живой души не осталось, кроме их двоих с Пашкой. И собак нет, и коты пропали. Мыши да крысы наверняка где-то есть, прячутся, но они ведь сами по себе, как природа. Они что с человеком, что без человека – все равно выживут. Собакам или котам без человека трудно. А козам, свиньям и курам вообще невозможно!

Остановился Сергеич на пороге перед дверью. Постучал три раза.

– Сейчас, Сейчас! – услышал знакомый голос.

– Ой, Сереженька! – воскликнула старушка, открыв двери. – Живой!!! Ну заходи, заходи быстрей!

Баба Настя с прошлого года, с осени, не изменилась. Лицо круглое, маленькое. Ростом метр шестьдесят, не больше. Одета так, что не поймешь: мужик или баба. Снизу штаны теплые, сверху короткий сарафан зеленый, а поверх него синяя кофта на больших пуговицах.

Разулся Сергеич. Прошли в комнату.

– Я тебе меду принес, – выложил на трюмо зеркальное Сергеич из сумки две литровых банки. – А у тебя хотел яйцами разжиться. У нас там голодно, в селе...

– Ты посиди пока, отдохни, а я поесть разогрею!

Опустился Сергеич в кресло с лакированными деревянными подлокотниками. Прямо в куртке, посчитав, что рано еще раз-

деваться. Уселся и от внезапно нахлынувшей на него, словно нагнавшей его в дороге усталости, задремал.

И уже в дреме своей почувствовал, как согревается, как оттаивает от мороза кожа щек, как кончики пальцев, словно от укусов пчелиных ноют, а все потому, что осмелевшая от тепла кровь ринулась с новой силой по сосудам и венам, восстанавливая нарушенное холодом отопление тела.

Только-только дрема в сон дрожащий, легкий перешла, услышал он во сне голос Виталины. «Иди обедать!» – звала она его из кухни. В кухне уютнее, особенно весной или летом. Окно из кухни в сад смотрит, а не на бурую, покрытую угольными пятнами землю двора.

Зашел он во сне в кухню – ну точно так, как входил не раз по ее зову, когда жили они вместе. В воздухе аромат борща, сильный и сочный.

«Ну, оцени!» – предложила Виталина, кивая на столик, где миска борща красного стояла, а на его поверхности – как он несколько раз требовал, просил, но не получал, а тут получил! – плавали несколько пельмешков. Сваренные, потом обжаренные на сковороде в подсолнечном масле до корочки хрустящей, а потом в борщ кинутые.

Сел он во сне за стол так же легко и самодовольно, как в жизни садился. Посмотрел одобрительно на беременный живот Виталины. Месяца еще полтора оставалось до рождения дочери. Вернул взгляд на пельмешки. Съел их один за другим. Потом уже за сам борщ принялся.

«Так ты подумала? Согласна?» – спросил он с набитым ртом.

«Нет, не согласна! Пусть будет Анжелика!» – твердо заявила она. – Мне твои Светы и Маши не нравятся! Скучные имена, как у кондукторов в трамвае!»

«У нас нет ни трамваев, ни кондукторов!» – начал сердиться во сне Сергеич так, как раньше наяву сердился. – Может, у вас там в Виннице такие имена простушкам дают, а у нас тут по-другому принято. А назовешь Анжеликой – засмеют, задразнят!»

«Задразнят, тогда уедем отсюда!» – отрезала Виталина и унесла свой живот в комнату, где диван и кровать, и стол большой.

Доедал он борщ без энтузиазма.

«Ничего, – думал, – без меня они ее не зарегистрируют!»

И вдруг, когда во сне борщ в тарелке кончился, снова яркий аромат борща рядом с его носом зазвучал. Открыл глаза, увидел, как баба Настасья кастрюлю мимо него к столу пронесла.

– Ты садись уже! Налила я тебе! – голос ее старческий, но сладкий, прозвучал.

Стряхнул Сергеич с себя сон, на ноги встал. Куртку сбросил и на кресле оставил. За стол уселся. Борща густого миска перед ним. Только пельмешков нет. Но ведь он и не ждал их. Это так, прихоть у него была, в которой он хотел прошлое с настоящим соединить. С детства он пельмени очень любил, а борщ любил после свадьбы. А теперь уже все в прошлом лежало, в памяти да в фотографиях. Память – она дряхлеет, а вот фотографии остаются. И лежат себе в выпускном, дембельском, свадебном альбомах. Лежат себе в шкафу и каши не просят.

Жадный взгляд его от борща вверх поднялся, на потолок. На лампочку. Облизнулся Сергеич. Старушка подумала, что на борщ, а самому гостю не сразу и понятно стало: на что это он облизнулся? Захватил ложку борща. Борщ горячий. В глазах слезы выступили.

– Ты чего? – испугалась баба Настя. – Может, с женой твоей что?

– Нет, – Сергеич головой мотнул. Тыльной стороной ладони слезы утер и вторую ложку борща в рот отправил.

– Хорошо вы живете! – выдавил из себя. – А у нас уже три года света нет.

– Что, так и не починили? – всплеснула маленькими ладошками старушка.

– Не починили, – подтвердил Сергеич и вздохнул. – Сказали, что оно того не стоит! Двое нас там осталось. Да и еще на разных улицах живем. Вот если б хотя бы с десяток людей вернулся!

– Но у вас больно близко к пушкам! У нас-то что до русских километров восемь, что до украинцев километров пять. Мы почти посередке. Вон там дальше, возле Гнутовки, где земля наша серая снова сходится, там всего ничего от одних до других. Там что ни день, то бах да бах.

– Да не так у нас и близко к пушкам! – не согласился Сергеич. – За три года только в церковь и попали. Ну еще в пару хозяйств, в контору колхозную. А дома почти все целые стоят. Баптисты иногда приезжают, помощь возят! Жаль, что нельзя через них

пенсию получать! Так и сижу без денег... Хотя что с ними делать, если привезут? Хрен его знает! А у вас как с пенсией?

– Хорошо у нас, – закивала баба Настя. – Степа, сын почтальонши, ну знаешь, у которого одна нога короче, у них кум в Торецке. Он у нас карточки с этими «пенькодами» собирает, куму передает, а тот денежку у себя в Торецке из банкоматов снимает, а потом каждый в заклеенном конверте пенсию вместе с карточкой назад получает. Ну, конечно, не всю, это ж труд, надо оплачивать.

– А что, с моей он тоже может снять? – оживился Сергеич.

– А ты переоформляться ездил?

– Куда?

– Ну в Украину? Чтоб отметили, что ты в серой зоне остался?

– Нет.

– Сначала переоформиться надо. Без этого не дадут.

Сергеич вздохнул тяжело. Помолчал.

– Ну она ж не пропадет, – сказал негромко, сам себя успокаивая.

Поднял взгляд на хозяйку. Про цель своего прихода вспомнил.

– Ты бы мне яиц... – начал было просьбу высказывать Сергеич, но стук в двери оборвал его.

Оба они на стук оглянулись. Пошла старушка открывать.

– Ты спроси, кто это! – крикнул ей в спину гость.

Но она просто отомкнула двери и тут же в теплый воздух дома детские голоса ворвались.

– Бабушка Настя, это не Дед Мороз к тебе по ошибке зашел? – прозвенел голосок мальчишки лет четырех-пяти.

– Нет, что вы! Какой Дед Мороз! – удивилась хозяйка дома. – Середка февраля на дворе!

– Так он же в Новый год не пришел! А обещал! – сказала девочка.

– Ну какой тут Дед Мороз?! – отмахнулась баба Настя. – Да сами посмотрите!

В комнату вместе с бабой Настей зашли двое мальчишек и девочка, дошкольники.

– Вот, видите! – показала она на Сергеича.

– Ага, – сказал один мальчик. – Не он! Тот моложе был!

– Дед Мороз и меня моложе? – усмехнулся Сергеич и решил подшутить, посмеяться с ребятней. – Где же вы молодого Деда Мороза видели?

– В декабре он был, – ответила за всех девчонка в розовой куртке размера на два больше, чем надо. – Он нам игрушки привозил и обещал на Новый год конфет!

– Да, молодой был! – поддержал темноглазый мальчик в черном пальто и лыжной шапочке. – У него еще автомат был и сережка в ухе!

– Автомат у Деда Мороза? – разулыбался Сергеич. – Может, он еще и в военной форме приходил?

– Да, в форме! – девочка кивнула. – Во время войны все в военной форме и с автоматом ходят. Он сказал, что у него своих детей двое, но он нам все равно много конфет принесет. От себя и от них в подарок!

Замолчал Сергеич. Как-то не по себе ему стало. Вспомнил он рюкзак с конфетами, который домой с поля притащил. Вспомнил убитого и золотую сережку в его ухе.

– Ну, может, принесет еще, – посмотрел на деток по-другому, как-то ласковее. – Может, через блокпост не пропустили! Мало ли?

Дети, погрузнев, выпятились в коридор. Ушли.

– Я тебе яиц дам! – сказала хозяйка, жалостливо глянув на гостя. – Может, еще чего?

– А что у тебя есть?

– Тушенку волонтеры привозили свиную. Могу пару баночек... Огурцы свои есть соленые. Только ж тебе нести тяжело будет!

– Донесу! – заверил ее Сергеич. – Тропинку я уже протоптал. Назад идти будет легче! Домой все-таки!

Киев

